

ТЕМА ДНЯ *с. 1*
Культура. — 1994. — 23 июля

Александр Исаевич Солженицын — в Москве. Тысячи встречающих на Ярославском вокзале, энтузиазма которых не смог охладить даже проливной дождь. Приветственные речи. Дружное «Сол-же-ни-цын!» над толпой. Позади два месяца пути по стране, сотни встреч. Они нужны были писателю, чтобы составить четкое мнение о нашей сегодняшней жизни.

«Я хочу быть лишь добрым советчиком россиянам и постараюсь не ошибиться сам, уйти от общих рассуждений, но прийти к конкретному делу», — заявил Александр Солженицын. — Я хочу принести своей Родине наибольшую пользу».

За последние два месяца наша газета не раз обращалась к солженицынской теме. Суждения по поводу возвращения великого изгнанника высказывались разные. И неудивительно. Солженицын — явление, по отношению к кото-

Возвращение

рому можно судить, кто есть кто, какие у кого понятия о демократии, культуре и о будущем страны.

Хоть Александр Исаевич не раз подчеркивал, что не связан ни с одним политическим движением и в политике участвовать не намерен, есть немало охотников залучить его в лагерь «правых» и в стан «левых» и тем самым умножить свой политический капитал. Отсюда — разговоры о грозящем в связи с этим нарушении равновесия политических сил. Скажем, Семен Резник в статье, которую «Культура» перепечатала из «Вашингтон таймс», предрекает укрепление позиций так называемых национал-патриотов, мечтающих восстановить тоталитарную империю. В сегодняшнем номере нашей газеты ему отвечает известный издатель Александр Глезер.

Одни принимают возвращение писателя с надеждой. Другие — скептически. «Где он был раньше, когда мы так тяжело и трудно жили, и у нас было столько чудовищных кровавых событий?». «Вот если бы он приехал года четыре назад...». Да полноте! Разве хоть одну из наших проблем мы за эти четыре года решили? И разве может оказаться несвоевременным появление в обществе безусловно честного человека, взыскующего истины и добра?». «Да что он знает о сегодняшней нашей жизни! А еще берется поучать!». Впрочем, выступления писателя перед общественностью России показали, что о нашей жизни он знает достаточно, чтобы иметь право делать выводы.

Его упрекают в том, что он сделал из своего возвращения эдакое шоу: многочисленная свита, корреспонденты, специальный вагон-люкс. Ну а как, по мнению критиков, следовало явиться на Родину? В рубище и с посохом? В убогой кибитке? Подозреваю, что оппоненты Солженицына были бы довольны лишь в том случае, если А. И. незаметно прилетел бы в Шереметьево, помыкался год-другой, рассылал прошения по поводу предоставления жилплощади и насчет положенной ему пенсии. И сидел бы до конца жизни, не высовываясь, давая умеренные по тону интервью и восседая в президиумах литературных конференций.

Но Солженицын еще в лагерном лагере обрел свою, отдельную, а не казенно-стадную точку зрения по всем вопросам, независимость и самостоятельность. Их он продемонстрировал и на этот раз, дав задом своим критикам почувствовать их собственную слабость, ущербность по отношению к тому, кто не запятнал себя общей скверной.

Разумеется, страна, куда попал Александр Исаевич — совсем не та, какой она была двадцать лет назад. Многолетнее вранье и все, что этим враньем было создано, пошло глубокими трещинами. И все-таки с Солженицыным эта страна совсем не та, что — без него.

Он за версту чувствует бюрократическую мертвечину, которая по-прежнему отравляет общество. Он доказал способность сформулировать национальные ценности и национальные интересы. Его нравственный авторитет огромен. И потому в изголодавшейся по голосу правды и совести России он способен стать центром духовного притяжения для всего нравственно здорового, честного, жаждущего жить по совести.

Александр Исаевич Солженицын возвратился — ни к правым, ни к левым, а в Россию. Он теперь с нами. А вот с ним ли мы? Воспримем ли его мудрость? Доверимся ли его опыту? Нравственному чутью? Время покажет.

Илья МЕДОВОЙ.